

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ НОМЕРА

Когда нынешний выпуск журнала «Шаги/Steps» только задумывался, то выбранная тема номера — «Время культуры» — представлялась достойным поводом поговорить о темпоральном структурировании культуры, в первую очередь о проблеме ее хронологической организации (Ренессанс, барокко, романтизм и т. д.) и об иллюзии «культурного единства» прошлого (включая такие конструкции, как «человек эпохи романтизма» и т. п.), а также о присутствии в настоящем разнокультурных и разновременных явлений (скажем, друидических гаданий в Интернете и т. д.). Кроме того, нас интересовали попытки буквального «изменения времени» — введения новых способов периодизации и измерения человеческого существования, которые оказали непосредственное влияние на культуру, как это было свойственно календарным реформам эпохи Французской революции 1789 г. или русской революции 1917 г. Одновременно мы предлагали подумать о том, как происходит десинхронизация культуры и общества (модель «устаревания» или «слишком быстрого прогресса»), которая может иметь как внутренний (конфликт старого и нового), так и внешний («отсталые» культуры) характер.

В процессе сбора номера мы убедились в важности общей темы, равно как в существенном несовпадении реальных исследований с предложенной схемой. Если попробовать обобщить этот опыт, то временное измерение культуры предстает в них как зазор между двумя эпохами или как разрыв внутри воображаемой длительности. Отсюда интерес к анахронизму, к руине, к различным типам вторжения «прошлого» (или уже состоявшегося «будущего») в «настоящее» исследователя, будь то на уровне материала или методов его изучения. Как показывает в своей работе **А. А. Олейников**, проблематизация соотношения между вроде бы естественными «порядками времени», признаком которой может быть анахронизм, позволяет установить дистанцию, являющуюся необходимым условием для создания теорий любого толка — эстетических, этических, политических и культурных. В статье **С. Н. Зенкина** анахронизм рассматривается как фигура литературного дискурса, часто разрушающая эффект правдоподобия, но благодаря смешению временных рядов обеспечивающая эмоциональное сопереживание читателя. Наконец, **Н. А. Кочековская** обращается к исследованиям барокко и, соответственно, аллегорического мышления как к опытному материалу для разработки важнейших теорий XX в. Во всех трех случаях понятие «анахронизм» выступает в качестве своеобразного оптического инструмента, позволяющего увидеть две внешне несовместимые реальности.

Аналогичным образом **О. В. Гавришина** использует понятие «руина», применяя его не столько к материальным остаткам прошлого, сколько к анахроничным техникам, которые меняют наше восприятие. Это могут быть устаревшие техники съемки, используемые современным американским фотографом Салли Манн, или фотоархив Сергея Челнокова, изъятый из обращения на протяжении ста лет, а потому не вписывающиеся в наше представление о том, «как это было на самом деле». Речь идет о разных режимах темпоральности, которые накладываются друг на друга, или, как утверждает **О. Ю. Гурова**, складываются в определенную последовательность. Ее предмет — изменение моды от советской к постсоветской эпохе — дает обширный материал для противопо-

ставлений условно «застывшего» и «быстрого» потребления, однако более всего исследовательницу интересует столкновение этих моделей, произошедшее в 1990-е годы в России, т. е. опять-таки зазор между эпохами. **А. В. Стогова**, работая с совершенно другими источниками — знаменитым дневником Сэмюэля Пипса, охватывающим 1660-е годы, — показывает, что человек раннего Нового времени был вполне способен манипулировать разными режимами темпоральности и подчинять их себе не только при помощи унифицирующей техники (часов с минутной стрелкой), но и путем установления личных хронологических вешек (обетов, даваемых на определенный срок).

Понятие «обет» отсылает к религиозным практикам, которые намного старше и Пипса, и часов с минутной стрелкой, и при этом для XVII в. отнюдь не являются пережитком прошлого. Разным типам существования минувшего в настоящем посвящен раздел журнала «Культурная память». Его открывает статья **А. А. Бонч-Осмоловской** о языковой памяти, вернее, о том, как язык сохраняет образ эпохи (*лихие девяностые, славные шестидесятые*) и т. д.). Эти клише могут быть более или менее нейтральными (*поздние восьмидесятые*), но чаще содержат скрытую оценку, а способы их употребления формируют представление о том или ином периоде. Проблему фиксации коллективной памяти продолжает исследование **Е. Г. Лапиной-Кратасюк** и **М. В. Рублевой**. С одной стороны, они рассматривают современные цифровые архивы, ставящие перед собой цель собрать то, что долгое время было исключено из публичной истории (проекты «Европейская память о ГУЛАГе», «Бессмертный барак», «Открытый список»). С другой — их интересует взаимодействие коллективной и личной памяти (проекты «Устная история» и Relikva). **К. О. Гусарова** возвращает нас к проблемам моды — сферы производства и потребления, в которой ход времени ощущается особенно остро. Однако рассматриваемый ею случай «Модного магазина» (женского журнала, основанного в 1862 г.) доказывает, что столкновение «старого» и «нового» в рамках моды касается не только шляпок и рукавов, но и отношения к женщине, ее самовосприятия и воспитания у аудитории определенных культурных навыков.

Работа **О. Ю. Бессмертной** напоминает еще об одном измерении моды. На сей раз речь идет не о гендерных или поколенческих предпочтениях, а об интеллектуальных увлечениях. Всего два десятка лет назад было почти невозможно представить себе исследование, в котором так или иначе не затрагивалась проблема Другого. Сейчас она незаслуженно отодвинута на периферию, хотя, как убедительно демонстрирует автор, в этой области было много полезных и важных наработок. Сходным образом статья **С. А. Еремеевой** напоминает о другом модном поветрии прошлого, когда западные интеллектуалы в поиске острых политических ощущений посещали Советский Союз и нередко описывали свое путешествие как сходжение в погусторонний мир. Временная дистанция отделяет тут не прошлое от настоящего, а два типа настоящего, которые практически не пересекаются, а потому должны находиться в разных плоскостях.

Подборка «Время культуры» частично подготовлена участниками Лаборатории историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС и связана с научными проектами, которые проводятся в ее рамках. Мы благодарим всех присоединившихся к нам коллег за возможность провести более широкое обсуждение этой проблематики.

М. С. Неклюдова